

КАПРИЗЫ И СТРАННОСТИ СУДЬБЫ

ОЛЕГ

РОЙ

ДОМОВОЙ

Капризы и странности судьбы

Олег Рой

Домовой

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Домовой / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2019 — (Капризы и странности судьбы)

ISBN 978-5-04-101067-6

О квартире номер двести двадцать два не зря шла дурная слава – ни один из владельцев не задерживался там надолго, а соседи по лестничной клетке привыкли к ужасному шуму и испуганным воплям. Молодая мама Вика и не предполагала, во что ввязывается, когда согласилась на выгодное с первого взгляда предложение риелтора. А дальше... А дальше мне пришлось брать все в свои лапы, ведь люди ничегошеньки без нас, котов, и сделать не могут!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101067-6

© Рой О. Ю., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Олег Рой Домовой

Памяти моего сына Женечки посвящается.

Глава 1

Как я завел себе человека

Рассказ кота Кузи

Уж сколько лет живу на свете, а все не перестаю удивляться, насколько люди ограниченные, недалекие и самонадеянные существа. Отчего-то вбили себе в голову, что именно они являются венцом творения, царями природы и все такое прочее, – и так упорно в это верят, что, право же, становится смешно. Это ж надо до такого додуматься: решить, что это они заводят себе нас, кошек, в качестве домашних питомцев – в то время как на самом деле все конечно же происходит совсем наоборот. И яркий пример тому – моя собственная история.

Начну, пожалуй, с того, что признаки незаурядного ума я проявлял еще в детстве. Можно даже сказать, в раннем детстве. И пока остальные пятеро моих братьев и сестер только пили мамочкино молоко и дрыхли в нашей мягкой корзинке, я уже начал задумываться о своем будущем. Облизывая нас и укладывая спать, мамочка заодно объясняла нам, как устроен мир. И благодаря ее мурлыканью я довольно быстро понял, что те огромные двуногие бесшерстные существа, которые то и дело заглядывают к нам в корзинку и умильно сюсюкают, на самом деле не так уж бесполезны, как выглядят на первый взгляд. Оказывается, природа создала их для того, чтобы нам, кошкам – настоящим царям природы, прощу заметить! – жилось спокойнее, уютнее и комфортнее. Мамочка объяснила, что люди, конечно, на редкость бестолковы и часто бывают надоедливы, – но зато они обеспечивают нам тепло, покой и вкусную еду. Ради этого можно потерпеть их глупость и прочие мелкие неудобства, вроде их дурацкого «кис-кис-кис» или желания поиграть с тобой и потискать тебя, когда у тебя совершенно нет на это настроения.

Вы еще не забыли, что я с рождения отличался незаурядным умом? И потому довольно быстро начал понимать не только язык кошек, но язык людей и других существ. Мы, кошки, лучше всех понимаем тех, которые крутятся вокруг рода человеческого и которых люди называют нечистью, а мы просто соседями... Впрочем, об этом несколько позже. А пока хочу рассказать о том, как выбирал себе человека (люди по ошибке называют это словом «хозяин»). Из разговоров тех двуногих, которые вечно толклись рядом с нашей корзинкой, я быстро понял, что долго оставаться с теплой мамочкой нам, увы, не суждено. Каждого из нас, мамочкиных детей, планировали отдать, как это говорилось, «в добрые руки». И тогда я смекнул, что обязательно должен выбрать эти руки сам – иначе потом могу горько пожалеть.

Первой я отверг крайне неприятную семейку во главе с противным вихрастым мальчишкой. Тот, как увидел меня, заорал: «Хочу вот этого, рыжего!» и потянулся к корзинке. Но я растерялся и сразу вцепился когтями в его руку, которая совсем не показалась мне доброй. Иначе поступить я не мог – у мальчишки на лице было написано, что, притащив меня домой, он не даст мне ни минуты покоя, а меня такая перспектива не устраивала категорически. Характер у меня, если вы этого еще не поняли, независимый, и жить я собирался по своим законам, а не подстраиваться под каких-то там двуногих. Так что непонравившаяся мне семейка сочла меня слишком агрессивным и предпочла одну из моих сестриц, самую толстенькую и ленивую, которой все в этом мире было безразлично, лишь бы ее почаще кормили.

Следующими кандидатами в мою обслугу... хорошо, пусть будет по-вашему, в мои хозяйева, – стала молодая семейная парочка. Похоже, они только поженились, так как все время поправляли новенькие кольца на пальцах, то и дело брались за ручки и не могли наглядеться друг на друга. Конечно, это очень трогательно (по-своему), но я сразу понял, что и они мне совершенно не подходят. Там, где двое заняты только друг другом, третий явно окажется лиш-

ним. Тем более что я вовсе не хотел становиться третьим – я собирался быть первым и только первым. Так что я забился под диван и сидел там до тех пор, пока парочка не удалилась, унося с собой моего полосатого братца, и мысленно пожелал вслед, чтобы голубки хотя бы иногда прерывали свое воркование и вспоминали, что его надо покормить.

Но наконец и мне улыбнулась удача. Когда порог нашей квартиры робко переступила *она*, я сразу понял – вот та, которую я ждал все это время. Милая – значит, будет должным образом заботиться обо мне. Скромная – соответственно, не станет заставлять меня делать то, чего я не хочу. И явно одинокая – то есть никаких беспардонных детей и капризных мужей, которые станут требовать ее внимания. Внимания, которое отныне по праву принадлежит только мне одному!

Вика, так звали мою новую хозяйку, сначала поглядывала на самую пушистую из моих сестер. Но я решительно оттер сестрицу в сторону, подошел к Вике, стал ластиться и мурлыкать, а потом, когда она наклонилась, чтобы погладить меня, запрыгнул к ней на руки. И тем самым окончательно покорила ее сердце. «Я назову его Кузей», – сказала она. Я не возражал. Кузя, Вася, Мурзик... Какая разница! Нам, кошкам, совершенно безразлично, как люди нас называют. Главное не это, а то, что раз уж мне суждено расстаться с мамочкой, то уносят меня от нее действительно добрые руки. И несут в тот дом, где – в этом я ни на минуту не сомневался! – мне будет по-настоящему хорошо.

И я не ошибся, мы с Викторией зажили душа в душу. Во всяком случае, так было первое время. Она старательно исполняла все мои желания, а я милостиво позволял ей обо мне заботиться. Квартирка ее была, конечно, тесновата, но что тут поделаешь! Обзавестись чем-то получше Вика не могла. Она ведь была приезжей, только-только окончила университет, зарабатывала немного, и на более просторное жилье ей бы просто не хватило денег.

Впрочем, во всем остальном новое место обитания меня вполне устраивало – почти так же, как устраивала его хозяйка. Вика быстро усвоила, что корм я предпочитаю со вкусом рыбы, утки или, в крайнем случае, ягненка, сплю исключительно на кровати (и это не обсуждается!), а днем люблю смотреть телевизор или прикорнуть в *своем* кресле, на которое никто, кроме меня, не должен претендовать. Впрочем, к чести моей, стоит сказать, что я со своей стороны тоже старался во всем идти Вике навстречу. Дисциплинированно пользовался лотком, всегда позволял себя гладить и старательно при этом мурлыкал (у меня это явно получается куда лучше, чем у большого белого ящика в кухне, в котором хранят продукты!). По большому счету, в то время мы с Викторией поссорились только один-единственный раз – когда мне, по юношескому недомыслию, вздумалось поточить когти об кухонный стол. Вика тогда отругала меня, и я уж хотел было рассердиться, но тут она вдруг обняла меня и объяснила, что из-за испорченной мебели ее могут выгнать из квартиры, а другую такую, чтобы за ту же цену и так близко к работе, найти трудно. Мне стало стыдно, я запрыгнул к ней на колени и попросил прощения. На другой день Вика купила когтеточку, а я больше никогда не повторял своей ошибки.

В то время я был еще слишком молод и наивен, и думал, что наша идиллия не закончится. Как бы не так! Не прошло и нескольких месяцев нашей жизни под одной крышей, как Вика сильно изменилась. Она сделалась задумчивой, рассеянной, плохо спала по ночам, ворочалась, мешая мне наслаждаться отдыхом, а днем могла подолгу сидеть, глядя в одну точку, и только молча улыбалась, явно вспоминая что-то приятное. А дальше стало еще хуже – Вика начала реже бывать дома, задерживалась в будние дни, пропадала до поздней ночи в выходные, приходила радостно-взволнованная и, даже когда была рядом, все равно не занималась мной, а только и делала, что прислушивалась, не зазвонит ли телефон.

Даже несмотря на тогдашний недостаток жизненного опыта, я быстро смекнул, в чем тут дело – ведь я, как, кажется, уже говорил, всегда был очень умен. Конечно же Вика влюбилась! А раз так, это может сулить мне не самые радужные перспективы... Я заволновался и, как

показало время, не напрасно. Вскоре избранник Вики появился в нашем доме – и с первого взгляда мы с ним невзлюбили друг друга.

Его звали... А впрочем, какая разница! Я все равно никогда не называл его иначе как *этот*. Так вот, все началось с того, что *этот* грубо согнал меня со стола, когда я заглянул к ним в тарелки, желая узнать, что Вика приготовила на романтический ужин. Я возмутился, но Вика так умоляюще на меня взглянула, что я, так уж и быть, взял себя в руки, то есть в лапы. Более того – даже когда меня в ту ночь впервые в моей жизни не пустили на кровать, я и то сдержал свои чувства, так как очень уж не хотел расстраивать Вику. Мне пришлось переночевать на коврике. Так уж и быть, я справился. Но когда утром, как сейчас помню, это было воскресенье, *этот* развалился в *моем* кресле и принялся щелкать пультом от телевизора, пока Вика мыла посуду, я возмутился и нагадил ему в ботинки, такие же блестящие и самодовольные, как он сам.

Конечно, ничем хорошим дело не закончилось. *Этот* попытался ударить меня, я увернулся и как следует его оцарапал, он кричал, Вика суетилась, подбегая к нему то с пластырем, то с бинтом, то с йодом, и бормотала что-то вроде: «Не понимаю, что на него нашло, может, заболел... Обычно Кузя всегда такой милый, вот увидишь...» Но *этот* заявил, что не желает меня больше видеть. И действительно, какое-то время он у нас не появлялся. Но это, увы, не означало ничего хорошего, потому что Вика тоже стала бывать дома все реже, частенько даже ночевать не приходила, а только забегала, чтобы покормить меня, налить воды в миску и сместить наполнитель в лотке, после чего исчезала вновь.

И я мирился с этим, потому что выглядела Вика хоть и озабоченной, но вполне довольной. А в один из вечеров явилась и вовсе просто сияющей от счастья, подхватила меня на руки, расцеловала, закружила по комнате и поведала, что мы переезжаем, так как *этот* предложил ей выйти за него замуж, и она согласилась.

Думаю, не нужно вам объяснять, что меня подобная новость совсем не обрадовала. Но выбора, как вы сами понимаете, не было.

Наше с Викой новое жилье оказалось гораздо больше предыдущего, в нем было целых три просторные комнаты и немалых размеров холл. Однако чувствовал я себя в новой квартире как в тесной тюремной камере – столько мне с первой же минуты выставили запретов и ультиматумов. Представляете, не разрешалось ходить ни в кухню, ни в спальню! Конечно же я был оскорблен до глубины души. И наверняка даже не подумал бы следовать этим предписаниям, если бы не Вика. Едва мы остались наедине, она села рядом со мной на пол, принялась гладить меня и шептать: «Кузенька, милый, ну пожалуйста! Веди себя хорошо, ради меня! Мне такого труда стоило уговорить Сашу, чтобы ты жил с нами. Вообще-то он терпеть не может кошек... А я... Кузенька, я так его люблю!..»

Разумеется, все это мне совершенно не нравилось. Но Вика так умоляла, что я скрепя сердце согласился пойти ей навстречу. Знаю, люди говорят, что мы, кошки, не умеем любить людей, что привязываемся только к дому, а не к его хозяевам. Так вот вам мое авторитетное мнение на данный счет: это полная чушь! Уж если мы кого-то любим – так любим всей душой. Просто выражаем свои чувства не совсем так, как это хотят видеть люди. Мы не машем хвостом, не визжим от радости, когда после одинокого дня наконец-то открывается входная дверь, не кидаемся вас обнюхивать и облизывать, как некоторые... Ну, вы поняли, о ком я. Но в то же время, поверьте, мы рады вашему приходу ничуть не меньше, а, возможно, и больше, чем... Однако прошу прощения, я что-то отвлекся.

Итак, мы переехали жить к *этому*, и ради Вики я старался сохранять с ее сначала женихом, а потом мужем если не мир, то, по крайней мере, вооруженный нейтралитет. Мне нравилось видеть Вику такой счастливой. Она часто улыбалась, и все так и летало в ее руках – квартира сверкала чистотой, на столе постоянно появлялись новые вкусные блюда, все желания *этого* угадывались и предупреждались с полуслова. Кроме, к моему счастью, одного. Через

какое-то время после свадьбы он заявил, что хотел бы завести собаку, и я пришел в ужас. Но тут мне несказанно повезло – вскоре выяснилось, что Вика беременна, и разговор о собаке заглох сам собой, а я вздохнул с облегчением. Конечно, с детьми у котов бывает не меньше неприятностей, чем с собаками, но с ребенком все же иногда можно договориться, а вот с собакой – увы. Так что я хорошо понимал, что из двух зол судьба выбрала для меня наименьшее.

Вику предстоящее материнство очень радовало, а *этом* ее восторгов не разделял. Ему абсолютно неинтересно было гадать, на кого окажется похож ребенок, и рассматривать преимущества одной модели коляски перед другой. Стоило Вике только завести речь о чем-то подобном, как он торопился перевести разговор на другую тему. Так что выбирать имя для малыша и обсуждать, как лучше его растить, Вике приходилось со мной. И мы вдвоем часами просиживали за ноутбуком, читая в Интернете статьи педиатров и детских психологов.

Когда после УЗИ стало известно, что Вика ждет девочку, *этом* скорчил гримасу.

– Думал, хотя бы сын будет, – заявил он. – С мальчишкой, по крайней мере, можно в игровую приставку рубиться и вертолетики на радиоуправлении запускать.

Тогда, впервые за все время их семейной жизни, Вика заплакала. И, к сожалению, этот раз стал далеко не последним.

Когда родилась Алина, Вика буквально растворилась в ребенке. Отныне все ее время, все двадцать четыре часа в сутки принадлежали новорожденной, весь ее жизненный график был подстроен под Алинкины кормежки, прогулки, игры и сон. Вика проводила с дочкой целые дни и то и дело вставала к ней ночью. А *этом* норовил прийти домой попозже, в выходные постоянно исчезал, уверяя, что непременно должен встретиться с друзьями, а на робкие просьбы Вики хотя бы погулять с коляской час-полтора, пока дочка спит, отвечал, что устал на работе – ведь теперь он вынужден содержать семью.

– Ну чего ты опять надулась? – спрашивал он. – Из-за того, что я собрался к Темке? Ну так пошли со мной, в чем проблема?

– А как же Алина? – разводила руками Вика. – Она не здорова, у нее режется зуб. Ее нельзя взять с собой, ей будет плохо в незнакомом месте.

– Давай найдем няню, – предлагал *этом*.

Но Вика категорически отказывалась. «Понимаешь, Кузя, я боюсь оставлять Алинку с чужим человеком, – делилась она со мной. – Вдруг няня будет невнимательной, не достаточно заботливой... Или еще что похуже, о чем даже думать не хочется! И что это за радость – сидеть в гостях, в кино или в клубе и не отдыхать, а только беспокоиться, как там Алинка да что с ней...»

Я-то это прекрасно понимал. А вот *этом* – нет.

Когда он возвращался домой, от него не только разило спиртным, но и пахло чужими духами. К счастью, обоняние людей слабее, чем у кошек, да и Вике было не до того... Но все-таки и она стала что-то подозревать. Одинокими вечерами, когда выкупанная и накормленная Алинка наконец засыпала, а *этого* еще не было дома, Вика делилась со мной своими переживаниями.

– Знаешь, Кузя, – призналась она однажды, – мне страшно это произносить, но кажется, я больше не люблю Сашу. Он стал какой-то совсем другой. Черствый, равнодушный...

– Ну так и разведись с ним, – мурлыкал я и терся об ее руку. – Зачем он тебе нужен? Ты молодая, красивая, у тебя таких еще сто штук будет.

– Может, и правда развестись? – бормотала Вика, машинально поглаживая меня. – Но Алинку жалко. Как она будет расти без отца?..

– Да нормально. С такой-то мамой! – уверял я.

Но Вика пока еще не была готова прислушаться к моим советам.

На двадцатипятилетний юбилей *этом* подарил Вике путевку на курорт. Но не на троих, а на двоих. В том смысле, что ехать на море должны были только Вика с Алиной (которой

только что исполнилось три года), потому что *этому* якобы не дали на работе отпуск. Я прекрасно понимал, что он нагло врет, да и Вика, похоже, догадывалась. Однако Алинкина врач давно говорила, что девочке очень полезно хотя бы пару недель провести у моря, погреться на солнце и покупаться в морской воде. Так что после долгих сомнений и уговоров Вика все же уехала, предварительно взяв с *этого* честное слово, что он будет хорошо ухаживать за мной и не обижать меня.

Тут-то все и произошло...

Кормить он меня, честно скажу, не забывал, я просто сам не давал ему забыть об этом. И даже наполнитель в лотке он менял, пусть и не так часто, как требовалось, но это оказалось далеко не самым худшим. Потому что в первый же вечер, не успев Викин самолет оторваться от земли, как *этот* привел к нам в дом какую-то размалеванную девицу. И всю ночь провел с ней в Викиной спальне – в комнате, в которую мне не разрешалось даже заходить!

Утром девица ушла, а *этот* сварил себе кофе и с блаженной мордой развалился на диване в гостиной.

– Ну что ты так осуждающе смотришь! – сказал он мне, почесывая голый волосатый живот. – Подумаешь, делов-то – привел телку. Я ведь живой человек, в конце концов, я мужчина! Мне женское внимание нужно! А Вика такой эгоисткой стала, думает не обо мне, а только о ребенке!..

Я не снизошел до того, чтобы отвечать ему, но это и не было нужно. Похоже, нашего муженька пробило на откровенность.

– И знаешь, Кузьма, – продолжал он, – я уже давно понял: Вика совсем не то, что мне нужно. Она, конечно, девчонка неплохая, но... Как бы тебе объяснить? Видишь ли, когда мы только начали встречаться, я думал, что она совсем другая. Легкая, прикольная, беззаботная... Думал, что с ней все время будет весело, понимаешь? А она какая-то очень правильная оказалась, даже скучно. Да еще и на ребенке зациклилась...

Тут я не выдержал и фыркнул, но он не обратил на меня никакого внимания.

– Но жена она завидная, тут ничего не скажешь, – продолжал *этот*. – Не ругается, не пилит, сцен не устраивает. Хозяйка хорошая, экономная. Готовит вкусно. В общем, – тут он снова повернулся ко мне, – ты уж не выдавай меня ей, ладно?

– Только чтобы это был первый и последний раз! – предупредил я.

И, полный достоинства, удалился в другую комнату.

Как вы наверняка уже догадались, *этот* и не думал меня слушать. И на следующую же ночь, точнее, уже под утро, вернулся пьяный и снова с девицей, на этот раз уже другой. И пошло-поехало. После того, как *этот* пропадал два дня, и я вынужден был сидеть голодным, чаша моего терпения переполнилась. Воспользовавшись тем, что любовнички разбросали свою одежду по всей квартире, я стащил красный кружевной лифчик и надежно его спрятал. Девица, уходя, даже и не вспомнила об этом деликатном предмете. А когда весь этот бедлам закончился, и Вика с Алиной вернулись в прибранную квартиру, я улучил момент, извлек свою добычу и аккуратно положил на диван прямо рядом с Викой.

– Что это? – ахнула она. – Откуда он взялся?

Сама Вика никогда не носила подобного белья.

У *этого* даже лицо перекошилось.

– Ах ты предатель! – заорал он и, наверное, готов был бы убить меня, но Вика не дала этого сделать, схватив меня в охапку.

– Кузя не предатель, – тихо, но очень твердо проговорила она. – Предатель – это ты, Саша.

Муж пытался возразить, но Вика не стала слушать. Собрала Алину, посадила меня в переноску, и мы трое навсегда покинули этот дом.

Месяца два или три мы провели у друзей, Викиных однокашников по институту, пожившихся еще на первом курсе. Жили в тесноте, но, как говорится, не в обиде, потому что

в добром семействе было двое на удивление милых детей чуть старше Алины и, самое главное, прелестная трехцветная кошечка Констанция, с которой у нас с первой же встречи возникло полное взаимопонимание. Именно тогда я понял, что многоцветные кошки действительно приносят счастье... Но, прошу прощения, кажется, я опять отвлекся.

Как бы ни было хорошо нам всем в доме приютивших нас друзей, но однажды все-таки настал момент расставания. Мы в очередной раз переехали, снова в маленькую однокомнатную квартирку, немногим больше той, где мы с Викой обитали до ее свадьбы.

«Знаешь, Кузя, будь я одна, я бы ничего у него не взяла, – будто оправдываясь, делилась со мной Вика. – Очень уж сильно он меня обидел... Но Алинка-то другое дело! Она не должна страдать из-за того, что ее мама вышла замуж не за того человека. И потом, она его дочь. Она имеет полное право на часть имущества Саши. Так что, я считаю, что правильно сделала, когда настояла на размене его квартиры. А как ты думаешь?»

И я, разумеется, во всем с ней соглашался.

Меня, по традиции, запустили в квартиру первым. А потом Вика села на пол, обняла меня и Алину и сказала:

– Ну как вам наш новый дом, ребята? Ну да, понимаю, это, конечно, не дворец... Да еще и за МКАДом. Но зато это наш, и только наш дом. И мы станем тут жить так, как сами этого хотим. Никто не будет запрещать тебе, Кузя, ходить по квартире, никто не будет делать вид, что тебя, Алинка, вообще не существует. Мы будем любить друг друга и заботиться друг о друге. И мы обязательно заживем счастливо, вот увидите.

Вика оказалась права. Не стану вас обманывать и уверять, что мы с первых же дней зажили по-королевски и катались как сыр в масле. Нет, конечно, нам всем троим пришлось нелегко, а порой и очень трудно. Но постепенно все наладилось. Алинка начала ходить в детский сад и, вопреки нашим с Викторией опасениям, ей там нравилось. Потом Вика нашла работу, с помощью все тех же своих друзей, хозяев моей прелестной подружки Констанции. Жизнь нашей маленькой дружной семьи постепенно вошла в колею. Алина росла спокойной, доброй и неглупой девочкой, и мы с ней стали настоящими друзьями. Благодаря ей я даже пересмотрел свое отношение к детям – оказывается, они иногда могут быть не только сносными, но даже вполне себе милыми. Так что я даже не заметил, как успел всей душой привязаться к Алинке не менее сильно, чем был привязан к ее маме.

Перед посторонними Вика держалась молодцом, и, наверное, в целом свете один только я знал, чего ей это стоило. Только со мной Вика делилась – тихонько, шепотом, чтобы не разбудить спящую Алину, – как ей одиноко, как хочется, чтобы рядом был близкий человек... Чтобы рядом был любимый мужчина, который понимал бы ее, который стал бы опорой, поддерживал бы ее, помогал бы... Потому что кто бы что ни говорил, но одной растить ребенка очень трудно, и психологически, и материально, ведь зарплата у Вики совсем небольшая. А бывший муж, конечно, присылает ей алименты – но хоть бы он один разочек приехал взглянуть на дочку или хотя бы позвонил, спросил бы, как они... Вика горько вздыхала, и тогда я забирался к ней на колени и ласково, как мог, мурлыкал, что все еще впереди. И все не так уж плохо, ведь у Вики есть свое жилье, и чудесная дочка, и любимое дело (не помню, говорил ли я, что Вика была по специальности архитектором и всей душой любила свою работу?). Так что все у нее еще впереди. И тогда Вика зарывалась носом в мою шерсть и шептала, что хоть она и не знает кошачьего языка, но понимает все, что я ей говорю, и что я абсолютно прав – все обязательно будет хорошо.

Я часто задумывался о том, чем еще мог бы помочь Вике, кроме моральной поддержки. Не зря ведь говорят, что коты в доме приносят удачу – надо же как-то оправдывать свою репутацию! Уходя на работу, Вика часто оставляла на столе свой ноутбук, и я давно научился включать его, выходить в Интернет и искать там разную интересующую меня информацию. Надо сказать, что это здорово расширило мой кругозор, пополнило эрудицию и расширило словар-

ный запас. Вы наверняка уже обратили внимание, как я изъясняюсь? А все потому, что значительную часть своего времени я посвящаю размышлениям, самообразованию и другой интеллектуальной деятельности... Но вернемся все же к нашей истории.

С некоторых пор я начал интересоваться всем связанным с работой Вики и однажды наткнулся на одном из сайтов на объявление о конкурсе молодых архитекторов. Нужно было представить на конкурс проект здания «школы будущего» – так это называлось. Победителей ждали солидные призы.

Вечером я как бы случайно оставил эту страницу открытой. Не сомневался, что когда Вика заглянет в ноутбук, то прочтет объявление – но не тут-то было! Она даже не обратила на него внимания, просто закрыла окно и занялась своими делами.

Ну что же, подумал я, с первого раза редко что-то получается. Как только представилась такая возможность, я открыл страницу снова. На этот раз Вика проглядела объявление по диагонали, затем прочла внимательно, вздохнула... И снова закрыла окно. Да что же это такое, в самом деле! Я был возмущен, однако сдаваться не собирался и, уловив момент, подsunул ей объявление вновь. Вика не знала, что и думать, и поступила, как привыкла всегда делать в трудных ситуациях – то есть стала советоваться со мной.

– Кузя, такое чувство, что этот конкурс просто преследует меня! И на работе все о нем говорят, и объявление все время всплывает на экране ноутбука... Сама не знаю, как это получается, просто чудеса какие-то!.. Кузя, а как ты думаешь, может, мне попробовать поучаствовать? Конечно, я почти наверняка ничего не выиграю, но это полезный опыт... По возрасту я еще подхожу под «молодого архитектора», и задание интересное... Что скажешь?

Разумеется, я всячески давал понять, что одобряю эту затею. В конце концов, Вика решилась. Каждый вечер, уложив Алинку спать, она усаживалась за проект и работала над ним до глубокой ночи, а порой и до рассвета. И даже раньше назначенного срока – Вика всегда была очень организованным человеком – проект был готов и отправлен на конкурс.

Как это обычно и бывает, сначала Вика с нетерпением ждала ответа, волновалась, почти все время думала и говорила только о конкурсе. Затем немного поуспокоилась, переключилась на что-то другое. Потом уже совсем перестала ждать, решив, что, наверное, ничего не получилось. И вдруг, как гром среди ясного неба, пришло сообщение, что Викин проект занял в конкурсе второе место.

Ох, и ликовали же мы всей семьей! Второе место – конечно, не первое, но и оно для нас неплохо, тем более что принесло Вике немалый денежный приз и целую кучу предложений работы от крупных и солидных компаний. Вика выбрала ту, проекты которой показались ей наиболее интересными. А с деньгами на семейном совете решено было поступить так: небольшую их часть потратить на поездку в отпуск (Вика явно это заслужила!), а остальное, как сейчас принято говорить, вложить в недвижимость.

– Пора нам с вами, ребята, подыскать себе жилье попросторнее, – заявила Вика. – Ты, Алинка, уже большая, тебе нужна своя комната. Продадим эту квартиру, добавим призовых денег... Надеюсь, на двушку хватит. Так что решено – едем отдыхать, а когда вернемся, я выйду на новую работу и сразу же займусь поисками нового дома.

Честно признаюсь, что, пока Вика с Алиной ездили на море, я не так уж сильно скучал в разлуке, поскольку гостил у своей ненаглядной подружки Констанции. Но возвращению моих хозяек я был, конечно, очень рад. Отдохнувшая и набравшаяся сил Вика с энтузиазмом взялась за поиски нового жилья. И в тот момент никому из нас даже в голову не могло прийти, что ждет нас впереди...

В одно прекрасное утро Вика, несмотря на выходной день, встала пораньше, сварила себе кофе и, как была в пижаме, уселась за кухонный стол, открыла ноутбук, вышла в Интернет и открыла сайт московской недвижимости. Первое же объявление, которое она увидела, заставило ее ахнуть от изумления. Речь шла о двухкомнатной квартире в самом центре города, да

не где-нибудь, а в знаменитой высотке на Котельнической набережной. Удивлял, конечно, не сам факт продажи квартиры, в этом не было ровным счетом ничего особенного, а ее цена – фантастически низкая для подобного жилья. Признаюсь, когда я заглянул Вике через плечо в экран ноутбука, то и сам не поверил собственным глазам. Обозначенная цифра выглядела смехотворной.

– Это, наверное, какая-то ошибка, правда, Кузя? – пробормотала Вика, оборачиваясь ко мне. – Ну не может же квартира в *таком* доме *столько* стоить!

Я всем своим видом выразил согласие, но Вика, похоже, этого даже не заметила.

– Всю жизнь мечтала жить в «сталинской» высотке... – подняв глаза к потолку, вздохнула она. – Ну, пусть не всю жизнь, пусть тринадцать лет, с тех пор, как приехала в Москву, но все равно... Я однажды была в таком доме, в гостях у однокурсницы, не в Котельниках, правда, а на Пресне, на Кудринской площади, но это все равно... Какие там высоченные потолки, Кузя! Можно второй этаж сделать. Вот Алинка пришла бы в восторг! Мы бы ей сделали антресоли, она бы туда лазила играть... И комнаты там огромные... И кухни...

Вздыхнув еще раз или два, Вика решительно потянулась за телефоном:

– Позвоню и скажу, что у них в объявлении ошибка, – пояснила она мне.

Говорила Вика на удивление долго. Вернее, «говорила» – это не совсем удачное слово, потому что она за весь разговор только ответила на несколько вопросов, заданных невидимым собеседником, а все остальное время молчала и слушала. А когда, наконец, нажала кнопку отбоя и повернулась ко мне, глаза ее горели.

– Кузя, я просто не могу поверить!.. – взволнованно пролепетала Вика. – Но, похоже, нам действительно повезло! Это – реальная стоимость, представляешь! Оказывается, хозяева очень торопятся продать квартиру, поэтому так снизили цену. И нужно спешить, ехать смотреть прямо сегодня, иначе будет поздно... Пойду будить Алинку, что-то она заспалась!..

И Вика вихрем слетела со стула, а я только посмотрел ей вслед и покачал головой. Уже тогда в мое сердце закралось нехорошее предчувствие – я всей своей шерстью ощущал, что с этой квартирой что-то нечисто... Но в тот момент еще даже и предположить не мог, *насколько*.

Глава 2

«Нехорошая квартира»

Тихим летним вечером на стоянку во дворе высотного дома на Котельнической набережной въехала новенькая красная иномарка. И судя по тому, как мгновенно и гостеприимно поднялся перед ней шлагбаум, владелец, а точнее, владелица автомобиля если и не жила в этом доме, то, во всяком случае, бывала здесь частенько.

Дверца машины распахнулась, и со стороны водительского сиденья энергично, хотя и не без труда, выбралась пышная моложавая блондинка лет пятидесяти, одетая столь же дорого, сколь и безвкусно. Звалась эта рубенсовская дама Эллой Аркадьевной и занималась она «серым» риелторским бизнесом.

Покопавшись в специально отведенной для ключей кожаной торбочке, Элла Аркадьевна выбрала из солидной кучи нужную связку, нашла ключ от домофона, отворила дверь подъезда, пересекла огромный гулкий вестибюль, не обращая никакого внимания на мраморную отделку, роспись на потолке и прочие красоты «сталинского ампира», и нажала кнопку вызова лифта. Обшитая панелями из красного дерева кабина услужливо примчала ее на последний этаж, а высокая аутентичная дверь с номером «222», пощелкав для приличия замками, раскрылась и пропустила в квартиру.

В просторной прихожей, которую Элла Аркадьевна заслуженно именовала холлом, риелторша привычным жестом включила свет, заглянула в старинное зеркало в резной раме, поправила прическу, вызывающую ассоциации с хлебобулочными изделиями, и щедро мазнула по губам ярко-алой помадой. Звонко цокая по дубовому паркету каблучками модельных туфель, делающими ее ноги похожими на свиные копытца, Элла зашагала по квартире, оглядывая, почему-то с некоторой опаской, ставший уже таким знакомым интерьер. Но все было как всегда, все на месте. Пыли немножко прибавилось, но это уж точно не ее забота. Если план снова сработает, то не пройдет и недели, как до сих пор не верящие случайно улыбнувшемуся счастью новые жильцы перевернут здесь все с ног на голову, навезут своего барахла, возможно даже затеют ремонт, поменяют обои, мебель... А через месяц-другой снова прибегут к ней, к Элле Аркадьевне, и будут умолять найти покупателя на эти доставшиеся им за бесценок хоромы и помочь приобрести взамен что угодно, хоть сарай, хоть скворечник, лишь бы больше ни дня не оставаться в этой жуткой, ужасной, кошмарной «нехорошей квартире»...

Элла Аркадьевна хмыкнула, плотоядно улыбаясь своим мыслям. Для кого «нехорошая квартира», а для кого – вот уже много лет бесперебойный источник очень даже неплохого дохода. А все потому, что за любое дело надо браться с умом!

Неторопливо пройдясь по комнатам и убедившись, что все в порядке, Элла открыла окна, впустив в дом поток свежего воздуха и веселый шум летней Москвы, вышла на балкон и небрежным взором окинула с высоты лежавший перед ней город. Город, который Элла, можно сказать, уже покорила. Ну, почти.

Конечно, приехав в Москву почти тридцать лет назад, она и не думала о таком успехе. Верхом ее мечтаний – сейчас и вспомнить-то смешно! – было выйти замуж за какого-нибудь нувориша того времени, «нового русского», как их тогда называли – в малиновом пиджаке, с увесистым «лопатником» и толстой золотой цепью на шее. Дома, за тысячу километров от столицы, такая перспектива казалась вполне реальной, ведь в молодости Элла, во всяком случае по ее мнению, была сногшибательной красоткой. Да что скромничать, она и сейчас еще очень ничего! Но теперь-то уже поднабралась и ума, и жизненного опыта – на троих хватит. А тогда была наивной дурочкой, верила, что для успеха в жизни достаточно стройной фигурки и хорошенькой мордашки. Да только как бы не так! Внимание на нее «малиновые пиджаки»,

конечно, обращали, по кабакам водили, на черных «бумерах» катали и подарки дарили – но все больше не брюлики, духи «Шанель» и шмотки из Парижа, а подделки под них, купленные в ближайшем ларьке. И жениться на смазливой провинциалочке не слишком строгих правил, прописать ее у себя в московской квартире, осыпать золотом и возить по заграницам тоже никто не спешил. Так что сначала Элка научилась за десять шагов отличать, где «от кутюр», а где «от Черкизон», потом стала более разборчивой в знакомствах, а там уже и о смене способа действий задумалась. Щедрые поклонники то есть, то их нет, а кушать надо каждый день. Хочешь не хочешь, придется научиться зарабатывать себе на хлеб. Как-то, оказавшись в очередной раз на мели, Элка купила, чуть не на последние копейки, газету, проглядела объявления о работе и выбрала для себя риелторское агентство, потому что туда брали всех желающих, можно даже совсем без опыта, а деньги сулили хорошие.

Почему в те годы было так легко попасть в риелторы, Элла поняла очень быстро. К концу недели из десяти человек, которых вместе с ней взяли на испытательный срок, осталось только трое, а до следующего месяца и вовсе доработала только она одна. Сейчас даже и вспомнить страшно, с чего она начинала. Работала без оклада, только на проценты от сделки – как потопашь, так и полопашь. В офис приезжала ни свет ни заря; опоздаешь – сама виновата, все хорошие варианты из свежих объявлений разберут, останешься ни с чем. День-деньской разрывалась между телефоном (о сотовых для простых людей тогда еще и помину не было, даже пейджер не все могли себе позволить) и поездками по городу, мотаясь с Речного вокзала в Люберцы, а из Мытищ в Бирюлево, да все на своих двоих – первую свою машину, копейку-развалюху, Элла купила только через год. Но зато почти чудом, за сущие гроши, удалось обзавестись собственным жильем, комнатой в коммуналке – пусть совершенно «убитой», но зато большой, целых двадцать метров, да еще и в центре, на Земляном Валу. Это было хорошее начало, и Элла уже стала мечтать, как со временем превратит свою комнату в отдельную квартиру, может быть, даже двушку...

Однако долгое время Элле не слишком-то везло. Скопить хоть сколько-нибудь приличную сумму никак не получалось – выросшая в семье номенклатурного работника Элла привыкла к красивой (по меркам их провинциального города, конечно) жизни и, когда заводились деньги, просто не находила в себе сил устоять перед покупкой шубы или возможностью махнуть на пару недель в Турцию. Да и в личной жизни тоже... Впрочем, об этом-то что вспоминать! В любом случае, все изменилось в один день, в ту самую *пятницу тринадцатое* – дата эта навсегда врезалась в память, а чертову дюжину Элла с тех пор назначила счастливым числом и своим талисманом.

Был уже поздний вечер, настолько поздний, что все коллеги давно разошлись, и в офисе оставалась одна Элла, у которой еще имелись незаконченные дела, да и торопиться домой все равно было не к кому. Зазвонил телефон, и взволнованный голос на том конце провода сбивчиво сообщил, что ему нужно срочно, вот прямо сейчас, продать квартиру в высотке на Котельнической набережной, чтобы поскорее убраться отсюда!

В первый момент Элла не поверила своим ушам. Во второй – решила, что звонит какой-то псих. Или она стала жертвой телефонного розыгрыша. Но все равно, несмотря на поздний час, валившую с ног усталость, снег с дождем и гололед, помчалась в Котельники. Пусть шанс, что все это правда, был только один из ста – все равно его ни за что нельзя было упустить!

Так Элла впервые переступила порог квартиры номер двести двадцать два, ставшей для нее чем-то вроде золотой антилопы из любимого в детстве мультика. В показавшиеся ей тогда бредовыми рассказы своих потенциальных клиентов, семейной четы средних лет, недавно перебравшихся в столицу откуда-то с севера, она просто не поверила, сочла, что перед ней психически неуравновешенные люди. И мысленно взмолилась, чтобы эта парочка не состояла на учете в неврологическом диспансере – тогда какие-нибудь ушлые родственники смогут расторгнуть заключенную ими сделку. К счастью, опасения не подтвердились, и вскоре обал-

девшая от подобной удачи Элла очень выгодно (как для хозяев, так и для себя самой) продала квартиру в высотке успешному молодому парню, решившему отделиться от родителей, и нашла «северянам» подходящий вариант взамен. Все расстались довольные, и Элле оставалось только жалеть, что подобная удача, увы, подворачивается нечасто, бывает, что вообще только раз в жизни...

Однако через полгода стало известно (ведь мир риелторов, как, впрочем, и любой другой профессиональный мир, весьма тесен, и новости в нем узнают сразу все), что та самая квартира номер «222» в доме на Котельниках снова продается. В этот раз занималась ею, конечно, не Элла, а ее коллега из другого крупного агентства – но у него дело пошло далеко не так удачно. Несмотря на то, что продавалась двушка более чем дешево, несмотря на дом, район и прекрасное состояние квартиры, покупателей на нее что-то не находилось. То есть на просмотры ездили толпами, только что очередь не стояла – но, едва увидев квартиру, все почему-то сразу отказывались.

И тогда Элла припомнила странные рассказы своих бывших клиентов, которых сочла было сумасшедшими. Может, то, что они тогда несли, не было бредом? Может, и правда в той квартире творится какая-то чертовщина? Иначе как объяснить то, что ее никто не покупает, несмотря на то, что цена уже упала ниже плинтуса?

Шло время, двушкой в Котельниках занималось уже несколько агентств и целая толпа риелторов – а квартира все не продавалась и не продавалась. Байки о «нехорошей квартире» рассказывались одна нелепее другой – то ли в той квартире на Котельниках покончили с собой несчастные юные влюбленные, которых хотели разлучить жестокие родители, то ли произошло массовое убийство – ворвался маньяк с топором и зарубил всю семью, включая кошку, попугая и приехавшую в гости троюродную тетю из Хайфы, то ли очередные жильцы, сломав стену во время ремонта, обнаружили скелет в одной из потайных комнат, которые якобы делались в высотках специально для подслушивающих разговоры жильцов чекистов... Элла качала головой и недоумевала, не зная, чему верить.

А вскоре настал и ее черед убедиться в реальности если не всех этих рассказов, то, по крайней мере, их части. Элла тоже подключилась к продаже «нехорошей квартиры», но едва только переступила ее порог вместе с очередными потенциальными покупателями, как началось нечто невообразимое. Вдруг в квартире, будто на улице, поднялся вихрь, люстра закачалась, точно от землетрясения, сами собой стали захлопываться и запираются окна и двери, мелкие предметы поднялись в воздух, закружились и начали летать по комнате. Затем стало еще хуже – послышался совершенно непонятный шум, в пустой комнате кто-то смеялся демоническим смехом, звучала какая-то жутковатая музыка... А потом онемевшей от изумления и ужаса Элле чуть не впечаталась в лоб летящая прямо на нее богемская хрустальная ваза. Элла шарахнулась в сторону, ваза разбилась об стену и осыпалась на дубовый паркет сверкающим хрустальным дождем, а чудом избежавшая травмы риелтор и ее несостоявшиеся клиенты с криками бросились прочь из «нехорошей квартиры».

Разумеется, у покупателей больше не было никакого желания возвращаться в ту проклятую двушку. А вот у Эллы... Конечно, она перепугалась до колик, да и как тут не перепугаться, когда тебе в голову сама собой летит ваза, которую *никто не бросал*. Но в то же время цена квартиры, а, соответственно, и уровень комиссионных от ее продажи выглядели так соблазнительно... Так что Элла подумала-подумала и, в конце концов, не выдержала.

Одно из преимуществ работы с людьми заключается в том, что со временем обрастаешь множеством полезных знакомств. У Эллы давно уже имелись *свои* юристы, *свои* врачи на случай различных недугов, *свой* парикмахер, *своя* маникюрша, *свои* туроператор и автомеханик. К ним она обращалась довольно часто, но и встретившихся на ее пути людей более редких и даже экзотических профессий тоже не теряла из виду, всегда старалась сохранить координаты – никогда ведь не знаешь, что в жизни пригодится. В этот раз, например, пригодилось

знакомство с колдуном. Не каким-нибудь там шарлатаном, а самым настоящим колдуном, бывшим профессором философии, который под старость вдруг открыл в себе экстрасенсорные способности. Вспомнив о нем, Элла тут же набрала номер. Профессор согласился осмотреть квартиру, Элла привезла его в Котельники и пустила внутрь, сама, на всякий случай, предусмотрительно оставшись у входной двери. Профессор долго ходил по комнатам, измерял что-то разными странными приборами, то гасил, то вновь зажигал свет, приглядывался, принохивался, прислушивался... И наконец произнес слово «полтергейст».

– Это что еще такое? – не поняла Элла.

– Как бы вам объяснить, голубушка... – профессор задумчиво поскреб жиденькую седую бороденку. – Это некая потусторонняя сущность... Существо из параллельного мира, так сказать... Термин «барабашка» вам знаком?

– Ну-у... – неопределенно промычала Элла. – Да, вроде...

– Чаще всего в народе используется еще один аналог – домовый, – продолжал профессор. – Однако, с моей точки зрения, данный термин не вполне удачен, так как не всесторонне охватывает...

– Пойдите, пойдите! – замахала руками Элла. – Хватит лекций, я все поняла. Значит, что же это такое получается? Домовой не хочет новых жильцов – вот и шалит, выживая всех, кто приходит смотреть квартиру?

– Да, в общих чертах вы правильно уловили суть, – вынужден был согласиться профессор.

– Но тогда, – недоумевала Элла, – почему ничего такого не случилось с первым клиентом, которому я продала эту квартиру? С теми хозяевами, что до него, – было. После него – было. А с этим парнем ничего даже похожего. Почему?

– Увы, на этот вопрос у меня нет ответа, – развел руками профессор. – Особые сущности пока еще совершенно не изучены наукой, никто не разбирается в их психике и особенностях поведения. Быть может, упомянутый вами молодой человек просто понравился трансцендентному обитателю этой квартиры. В отличие от других покупателей.

– Очень мило! – фыркнула Элла. – И что же делать? Как мне теперь эту квартиру продавать – с таким-то жильцом в нагрузку!

– Думаю, голубушка, я мог бы попробовать... – как-то не слишком уверенно начал профессор. – Пособить вам в вашей беде за определенную плату. Мне знакомы некоторые способы установления контакта с потусторонними сущностями, и если мы договоримся об условиях...

– За это не беспокойтесь, – снова перебила Элла. – Заплачу, сколько попросите, только выгоните этого барабашку! Хотя... – тут она на минуту замолкла, потому что в голову вдруг пришла гениальная мысль. – А вы можете выгнать его не совсем? А так, чтобы он погулял бы где-нибудь месячишко-другой, а потом снова вернулся бы? Можно даже его и не прогонять, а только уговорить немного посидеть спокойно. Пока клиенты квартиру смотрят, да пока сделка оформляется. А как только деньги будут на руках, пусть делает, что хочет.

– Кажется, я уловил вашу мысль, голубушка, – рука профессора снова потянулась к бороденке. – Сдается мне, наше с вами сотрудничество может перейти на постоянную основу?

Надо ли говорить, в какой восторг пришла от этой идеи Элла? Только бы барабашка позволил себя уговорить! Тогда она сможет продать «нехорошую квартиру» не раз и не два, а делать это каждые полгода или даже чаще, после того, как домовый вновь задаст жару очередным новоселам... Только бы он согласился устраивать перерывы в своих бесчинствах на время продажи!

– А тут, голубушка, предоставьте вести переговоры мне, – с важным видом произнес профессор. – И поверьте, я приложу все усилия...

Как же потом она пожалела, что ни в тот раз, ни в последующие не напросилась к профессору понаблюдать, не узнала у него, что он делает и как именно договаривается с домовым! А просто поверила на слово, что все будет в полном порядке, и умчалась по своим делам. Но

ведь сработало! И в тот раз, и во все другие. Пусть услуги старого колдуна-профессора влетали в копейчку, но зато все шло как по маслу. Теперь с «нехорошей квартирой» работала только Элла, ни у кого из ее коллег не получалось ее продать. А у нее все выходило отлично. После того, как переполнялась чаша терпения очередных жильцов и те решались на переезд, они обращались к Элле, а та – к профессору. Он приезжал, что-то такое шаманил в квартире – и там вновь становилось тихо. Элла заключала очередную сделку, получала свои деньги, щедро делилась с колдуном и спокойно ждала очередного возвращения домового.

Так «нехорошая квартира» номер двести двадцать два за несколько лет превратила Эллу Аркадьевну из заурядного риелтора в очень состоятельную женщину. Элла уволилась из агентства, занялась частным бизнесом, обзавелась двухэтажными апартаментами на Тверской и домиком на Черноморском побережье, каждый сезон обновляла гардероб и почти каждый год – автомобили и молодых любовников. Только раз их с профессором налаженная схема работы дала сбой, когда один из клиентов из породы «четких пацанчиков», узнав, что купил квартиру «с подселением», быканул и выкатил Элле предьяву. Пришлось тогда от него откупиться. Элла потеряла на этом порядочную сумму, но хорошо, что осталась цела. И с тех пор стала тщательнее подходить к выбору покупателей, окучивая только тех, кого можно не опасаться. Старичков каких-нибудь одиноких, мамочек с детьми... А остальным, неделями обрывавшим ее телефон, каждый раз после очередного выхода объявления тут же отказывала под вежливым предлогом.

Подобная идиллия продолжалась несколько лет... и вдруг две недели назад колдун-профессор неожиданно скончался. Конечно, этого следовало ожидать, так как был он уже в очень почтенном возрасте. Однако все равно у Эллы точно землю выбили из-под ног, ведь ей как раз нужно было продавать квартиру. Но как теперь, без профессора, договориться с домовым? Элла срочно кинула клич по знакомым, и в итоге ей посоветовали одну надежную женщину...

Воспоминания Эллы прервал резкий дверной звонок, прозвучавший в гулкой тишине как-то особенно тревожно.

– Иду! Иду! – вскинулась Элла, весьма энергично для человека такой комплекции метнувшись к двери.

На пороге стояла высокая и очень худая женщина лет пятидесяти пяти, темноволосая, бледная и явно демонической внешности. Несмотря на теплый август и уже закатившееся солнце, на гостье было длинное и узкое черное пальто, а на носу – большие черные очки. За спиной женщины стояли два огромных черных кофра на колесиках, будто их владелица приехала сюда сразу с вокзала или из аэропорта.

– Мама Фима, – с улыбкой айсберга невозмутимо проговорила гостья, и Элла не сразу поняла, что та назвала свое имя.

– Очень приятно, а я Элла, Элла Аркадьевна... – забормотала она. Обычно Элла держалась с людьми намного более развязно, но вид незнакомки почему-то смутил ее и внушил благоговейный трепет.

Внезапно в светильнике на лестничной площадке с громким звоном взорвался плафон, и осколки разлетелись в разные стороны.

– Началось! – ахнула Элла, хватаясь за сердце. У нее до сих пор так и стояла перед глазами летящая прямо в голову ваза богемского хрусталя. Но Мама Фима невозмутимо стряхнула упавший ей на руку осколок и проговорила бесстрастным тоном:

– Ничего, это ненадолго.

Решительным движением отстранив Эллу с дороги, гостья вошла в квартиру, катя за собой кофры, остановилась, огляделась и, похоже, мгновенно оценила обстановку. Подошла к столу, смахнула на пол лежащую на нем стопку глянцевого журналов, подняла крышку одного из кофров и принялась доставать из него какие-то спиртовки, колбы, разноцветные пузырьки,

шланги и прочие удивительные вещи, включая старинную книгу в кожаном переплете и человеческий череп.

– Настоящий? – испуганно спросила Элла, указывая на череп.

– Оцым-поцым двадцать восемь! – фыркнула в ответ гостя и буквально в считанные минуты соорудила на столе нечто весьма напоминающее алхимическую лабораторию.

– Окна зашторь! – приказала она Элле, и та безропотно подчинилась.

Вскоре комната, мгновенно наполнившаяся запахом благовоний, уже была освещена только огнем черных свечей и пламенем жаровни. Руки Мама Фимы, увешенные перстнями и всевозможными амулетами, что-то усиленно толкли пестиком в каменной ступке. На плитке, в медном тазу, забурлила черная жижа.

Тут Элла, зачарованно наблюдавшая за всеми этими магическими действиями, решила упомянуть о самом важном.

– Вы помните?! Мне не навсегда... Только на месяц.

– Спокойно! – гостя выгребла из ступки порошок и резко бросила в варево. – Мама Фима – не торговка арбузами, у нее все по-честному. Все, как в поезде Барнаул – Тюмень – по расписанию! Раз сказала «тридцать дней», так сварит ровно на тридцать дней.

– А вдруг оно того... – Элла с тревогой покосилась на варево, – слишком сильное окажется?

– Не бойсь! – заверила ее Мама Фима, открывая другой кофр. – Чтобы навсегда от домашнего избавиться, нужна темлеха.

– Что-что нужно?

– Тотальное уничтожение, – пояснила колдунья, доставая что-то из чемодана. – Проще говоря, смерть! А это иной бюджетец. Темлеха куда дороже. А я никому скидки делать не собираюсь. Астрал не богадельня!

Вытащенная из кофра вещь оказалась тушкой курицы, оципанной, но с головой и лапами. Мама Фима посыпала курицу какой-то пахучей приправой, и тушка вспыхнула искрами, словно порох. Замахнувшись черным изогнутым ножом с позолоченной ручкой, колдунья одним движением снесла курице голову. Нож громко ударился о стол, Элла Аркадьевна охнула и вздрогнула, стол от толчка качнулся, одна из склянок упала и разбилась, оставив на полу у ног колдуньи лужу мутной жижи.

– Чтоб тебя! – выругалась Мама Фима на Эллу. – Не хрюкай под руку. Подай взвар!

Элла Аркадьевна бросилась к бурлящему на жаровне тазу. А Мама Фима сделала шаг в сторону, протянула руку к книге, но вдруг поскользнулась на той самой кляксе жижи, упала навзничь, растянулась на полу, сильно ударившись затылком, и отключилась.

Несмотря на жару в комнате, Элла задрожала как от озноба, и внутри у нее все похолодело. Только этого еще не хватало! А вдруг колдунья убилась насмерть? Что тогда делать? Полицию вызывать? А вдруг менты не поверят, что она сама упала?

Сбегав в кухню, Элла набрала в стакан воды, сбрызнула ею гостью, а потом принялась лупить ее по щекам, повторяя:

– Очнись! Ну очнись же!

Наконец, Мама Фима шевельнулась, и Элла вздохнула с облегчением.

– Живы?! – пробормотала она. – Ну, то-то же. А то я уж подумала... Мне тут никакая темлеха не нужна!

Внезапно распахнув глаза, Мама Фима сделала хрюкоподобный вдох и забормотала что-то совершенно непонятное:

– Это меня с копыт, значит?! Видение было! Вот он, значит, чего здесь пригрел...

– Вы это... как? Лучше? – суежилась вокруг нее Элла.

Даже не взглянув в ее сторону, колдунья села, потом поднялась на ноги и уже совершенно другим, алчным взглядом начала пристально осматривать комнату, словно хотела что-то разглядеть сквозь стены.

– Там взвар-то как, не готов еще? – напомнила Элла, указывая на тазик, из которого уже валил густой вонючий дым.

– Пена позеленела! Пора! – спохватилась Мама Фима, выключая горелку и осторожно перенося тазик на стол. Элла Аркадьевна поморщилась и заткнула нос, а колдунья взяла в каждую руку по лапке курицы и стала помешивать ими в тазу.

– Все углы тебе закрою, кровью стены все омою! – забормотала она.

У-у-у! Словно ветер пронесся по комнате, взметнулась одежда Эллы Аркадьевны, затрепетало пламя свечей.

А Мама Фима продолжала зловеще:

– Во дверях воткну кресты, все сожгу тебе мосты!

После этих слов жидкость в тазу вспыхнула зеленым пламенем, освещая испуганное лицо Эллы Аркадьевны.

– Я не дам тебе житья, знай – жилплощадь не твоя! – выла колдунья, размахивая куриными ногами.

И вдруг балконные двери с громким стуком распахнулись, а шторы заколыхались, точно от сильного порыва ветра.

– Вы только не навсегда, не навсегда! – сочла своим долгом напомнить в этот момент Элла Аркадьевна. Но колдунья только отмахнулась от нее куриной ногой.

– На меня ты не ропщи, новый дом себе ищи! – выкрикнула она.

И в ту же секунду точно ураган пролетел по квартире. Все бумаги и прочие легкие вещи смело со своих мест, разметало по комнате. Вмиг стало холодно и – в этом Элла могла бы поклясться! – что-то невидимое с шумом промчалось мимо нее к балкону так, будто *это* тянули с улицы за веревку. Потом раздался крик, через мгновение – звук удара, будто на улице шлепнулось что-то тяжелое... И стало тихо.

– Ну, вот и все! – удовлетворенно констатировала Мама Фима.

На всякий случай Элла вышла на балкон и, наклонившись через перила, опасливо поглядела вниз. Но конечно же ничего особенного не увидела. Вернувшись в комнату, Элла Аркадьевна вдруг почувствовала, что у нее подкосились ноги. Она опустилась на ближайший стул и машинально допила из стакана воду, которой обрызгивала потерявшую сознание колдунью.

А Мама Фима в мгновение ока разобрала свою алхимическую лабораторию, бережно сложила в пакет черные свечи и вылила остатки еще горячей жижи в раковину, пробормотав себе под нос какое-то заклинание.

– Вы мне расписочку написали? – напомнила Элла.

– А как же! – колдунья шлепнула на стол перед ней заполненный бланк. – Гарантия тридцать дней!

– А выходные и праздники считать? – уточнила Элла.

– Оцым-поцым двадцать восемь! – фыркнула Мама Фима. – От же ж люди, торгуются, как на Привозе за стакан семечек! Не считай!

Тут раздался звонок домофона, и Элла Аркадьевна ахнула:

– А-а-а! Покупатели! Уже! Сколько времени? Ну да... Но надо же, какая бестактность, не могли опоздать!

– Не суетись под клиентом! – хмыкнула колдунья, застегивая кофры. – Мама Фима сделала дело и испарилась как зарплата.

– Кто там? – пропела риелтор в домофон.

– Элла Аркадьевна, это Вика, – послышался из динамика приятный молодой голос. – Мы с вами утром договорились, что я приду в девять смотреть квартиру.

– Ооо! Так пунктуальненько, – сладко проворковала Элла. – Открываю. Динь-динь!
Но не нажала на кнопку, а побежала в комнату и суетливо огляделась по сторонам. Быстро закрыла балконные двери, поправила подушки на диване и метнулась к Маме Фиме, чтобы помочь ей с кофрами.

Колдунья вручила ей курицу.

– На! Суп сварить. Деревенская, экологичная!

Но Элла Аркадьевна только замахала на нее руками:

– Нет! Нет! Заберите! Она мне поперек горла снится будет!

И выбросила курицу в мусорку.

Снова зазвонил домофон:

– Элла Аркадьевна, это снова Вика! Дверь не открылась, – сообщил приятный голос.

– Да что вы говорите? – почти натурально изумилась риелтор. – А так?

И снова даже не дотронулась до кнопки.

– Ты чего это комедию ломаешь? – поинтересовалась Мама Фима, застегивая замки кофров.

– Профессиональные хитрости, – подмигнула ей Элла. – Спущусь к ним сама, все покажу. Театр с вешалки начинается, а хороший дом с подъезда. – И стала подталкивать Маму Фиму в спину.

– Все, все, идите! Нельзя, чтобы они вас встретили!

Но увидев, что та направилась к лифту, зашипела:

– Куда?! Не туда! Лестница!

– Заслуженного работника астрала пинают как девочку! – возмущалась Мама Фима, но все-таки послушалась и повернула, катя за собой кофры, к лестнице. Зашла за угол, остановилась, хищно улыбнулась каким-то своим мыслям и проговорила, обращаясь непонятно к кому:

– Ничего! Я еще вернусь!..

Глава 3

Дурные приметы

Отправляясь посмотреть квартиру в высотке, Вика даже думать себе не позволяла, что из этой затеи может что-то получиться. Так просто не бывает. Огромные двушки в шикарных домах столько не стоят. Наверняка там кроется какой-то подвох, может быть, даже не один...

– Ой, смотри, мама! – шагавшая рядом Алинка показала пальцем на небо. – Какой на небе месяц классный! Вон там, слева.

Вика невольно посмотрела в ту сторону. Сиявший над крышами месяц и правда был очень красив. Даже вспомнились стихи, кажется, отрывок из «Евгения Онегина» – «Младой двурогий лик луны на небе с левой стороны». А потом в памяти вдруг всплыло, как учительница литературы рассказывала, что увидеть месяц слева считалось во времена Пушкина очень плохой приметой. Вот ведь некстати вспомнилось! Хотя... А что, если это знак судьбы, предупреждение свыше, что не нужно ввязываться в сомнительную авантюру?

– Мама, а мама! – снова затараторила Алина. – А чья почка дороже – твоя или моя?

– Моя конечно, – машинально ответила Вика, все еще думая о своем. – Моя уже сформировалась, а твоя пока еще... Подожди, а что это за вопросы такие, откуда?

– Одна девочка из нашего класса, – бесхитростно поведала Алина, – сказала, что купить квартиру в высотке можно только, если продать почку. Так чью почку мы продадим?

– Алинка, перестань говорить глупости! – возмутилась Вика. – Ничью почку продавать не будем...

Закончить фразу она не успела, поскольку в сумочке зазвонил телефон. Взглянув на экран, чтобы узнать, кто звонит, Вика поморщилась, как от боли. Опять Евгений, но совсем не Онегин, а Евгений Олегович, ее начальник. И вроде бы работает Вика под его руководством всего-то ничего, а уже успела проникнуться к нему такой антипатией... Но куда не денешься, босс есть босс.

– Вика, как у вас дела с проектом в Новой Москве? – поинтересовался шеф. – Я тут подумал, что мы с вами могли бы сейчас встретиться, вместе поужинать и обсудить кое-какие детали.

– Но, Евгений Олегович, – забормотала Вика непонятно почему, но чувствуя себя слегка виноватой, – я сегодня никак не могу, я занята...

– И что ж у вас за дела вечером воскресенья? – голос начальства звучал то ли игриво, то ли недовольно, Вика толком не поняла. Возможно, и то и другое сразу.

– Евгений Олегович, я квартиру покупаю, – объяснила она. – И мы с дочкой как раз сейчас идем посмотреть очень хороший вариант...

– Вот оно что, – пробурчал шеф. – Жаль, я уже настроился. Ладно, смотрите свою квартиру. Надеюсь, это пойдет на пользу дизайн-проекту!

И отключился. Раздосадованная Вика снова убрала мобильный в сумку. Ведь не хотела же она никому говорить раньше времени о квартире в Котельниках, чтобы не слезить. И угрозило же шефа позвонить именно сейчас!

Алина уже нетерпеливо тянула Вику за рукав.

– Мама, а нам далеко еще идти?

– Уже нет, – Вика указала на белеющую впереди высотку. На фоне бархатно-синего вечернего неба красиво освещенное здание с его башенками, скульптурами и шпилем казалось сказочным замком.

– Ух ты, какой домик! – восхитилась Алина. – И что, мы будем здесь жить?!

– Пока мы просто идем посмотреть квартиру, – уклончиво ответила Вика.

– А на каком этаже?

– На двадцать девятом.

– Вау! – восторженно выдохнула Алина. – А как мы туда войдем?

– Думаю, надо пересечь сквер, – не слишком уверенно ответила Вика. Она еще никогда не бывала здесь и ориентировалась только по навигатору в смартфоне.

Освещавшие сквер фонари прятались за листвой, и от этого все вокруг казалось загадочным и таинственным.

– Смотри, мы тут совсем одни, – заметила Алина, отчего-то понизив голос.

В сквере и впрямь было безлюдно и удивительно тихо. Длинные тени, тихо, словно крадучись, следовавшие вместе с ними по дорожке, казались живыми существами.

– Мам, тут страшно! – заявила вдруг Алинка, оглядываясь в полумраке. – Может, вернемся?

– Еще чего! – возмутилась Вика. – Возвращаться – плохая примета.

– Там кто-то шуршит в кустах...

– Алина, не выдумывай! Тут и кустов-то нет.

Вдруг за ближайшим деревом сверкнули невысоко над землей два ярких огонька. Алина вскрикнула от испуга. Из-за дерева выскочил толстый пушистый черный кот, быстро пересек тропинку прямо перед ними и скрылся.

– Ну что ты испугалась, глупенькая? – Вика ласково прижала Алинку к себе. – Это ж всего-навсего кошка. У них всегда так в темноте глаза блестят. Ты ж сколько раз видела у нашего Кузи...

– Черная кошка – это тоже плохая примета, – заметила Алина.

– Да уж, – не стала спорить Вика. – Сегодня плохие приметы просто косяком идут. Осталось еще тетку с пустым ведром встретить – и будет полный комплект.

И тут, словно это было специально подстроено, они увидели идущую им навстречу пожилую женщину в темном плаще. В руках у женщины было белое пластиковое ведро, судя по наклейке со штрих-кодом, только что купленное. И пустое.

Алинка так и замерла с открытым ртом, и Вика поспешила успокоить дочь:

– Ну что ты, зайка, не бойся! Все хорошо. Бывают в жизни и не такие совпадения. И вообще, приметы – это просто глупые суеверия.

– Напрасно ты так думаешь, – заметила, поравнявшись с ними, женщина с ведром.

– Это вы нам? – не поняла Вика.

Женщина обернулась и бросила через плечо:

– Тому, кто идет туда, не зная куда.

И как ни в чем не бывало направилась себе дальше. А Вика схватила Алину за руку и потащила к выходу из сквера. Высотный дом был уже совсем рядом.

Домофон почему-то не сработал, и риелтору пришлось за ними спускаться. Элла Аркадьевна, с ее улыбкой застенчивой акулы, Вике совершенно не понравилась – но какое это имело значение! Зато дом, уже начиная с огромных дверей в подъезд, привел их с Алинкой в совершеннейший восторг.

– Натуральный мрамор, – сладко пела риелтор, указывая на стены вестибюля. – Видите, какие колонны? Только в прошлом году закончился капитальный ремонт, реставрация... Теперь все аутентичное! Видите витраж над дверями в лифт? Прямо как на станции «Новослободская». И обратите внимание на потолок. Какая люстра! Какая роспись! И зеркальный паркет... Его не только моют, но и регулярно натирают. Вам будет не стыдно перед своими гостями!

– Да уж, это точно, – согласилась Вика.

Алинка, мигом забывшая обо всех своих страхах, даже слов не нашла от восхищения, просто тайком показала маме большой палец.

– Как вы добрались? – расспрашивала Элла, пока они ехали в лифте.

– Нормально, – сдержанно ответила Вика, решившая не показывать своей заинтересованности. – Пешком от «Китай-города».

– А «Таганская» еще ближе! – Элла Аркадьевна сияла ярче, чем начищенные бронзовые поручни в лифтовой кабине. – И наземным транспортом отсюда можно быстро доехать куда угодно. Тут и автобусы ходят, и трамваи... Ну, вот и наш этаж. Нам вот сюда и прямо... Смотрите, какая отделка стен, какая мозаика на полу. Везде натуральный мрамор!..

– Ух ты, три двойки! – воскликнула Алина, увидев номер квартиры, и повернулась к Вике: – Мама, а три двойки лучше, чем три шестерки?

Впустив их в квартиру, риелтор тут же принялась вещать голосом экскурсовода:

– Перед вами прекрасный образчик сталинского ампира!.. Ну что же вы остановились? Проходите, осматривайте хоромы!

Оказавшись в квартире, Вика не удержалась и ахнула от восхищения. Казалось бы, профессионального архитектора не должны удивлять такие вещи... Но за всю свою, пока еще не такую уж долгую, жизнь она еще ни разу не бывала в такой квартире – ни в Москве, ни в своем родном маленьком городе. Такая красота встречается во всяких старинных домах и усадьбах, но это не считается, это же давно музеи, а не жилье. А тут те же высокие потолки, огромные, полные воздуха, комнаты, лепнина, стенные панели, раздвижные двери, старинные вещи... И здесь могут поселиться они с Алинкой... Господи, неужели это не сон?!

– Шестьдесят восемь квадратных, отдельный санузел! – сообщила Элла, расхаживая по квартире, как царь Петр по строящейся верфи. – А вид какой! Помните стихи: «А из нашего окна площадь Красная видна»? Действительно видна, вон она, глядите! А из второй комнаты вид сразу на две стороны. Река как на ладони!

– Тут будет детская, – решила Вика, заглянув во вторую комнату. И тут же спохватилась: – Элла Аркадьевна, а почему такая низкая цена? В чем тут подвох?

– Что вы, что вы, никакого подвоха! – замахала руками риелтор. – Конечно, должна вас честно предупредить, что дом не совсем без недостатков. Все-таки построен сразу после войны... Вы, наверное, читали в Интернете, что жильцы высоток иногда жалуются на слышимость от соседей и тараканов из-за мусоропроводов в квартире. Но все это в прошлом. Тараканов давно нет, звукоизоляцию прежние хозяева сделали отличную. И электричество наладили, ведь когда дом построили, в квартирах было всего три розетки, и ни одной на кухне. Но теперь все в порядке. Видите – стиральная машина, посудомойка, духовка, холодильник, микроволновка... И все отлично работает! Кстати, техника и вся мебель остаются вам в качестве бонуса.

– Вау! Обалдеть! Вот это круто! – восклицала Алинка, бегая по квартире и рассматривая то одно, то другое.

А Вика повернулась к риелтору и максимально настойчиво произнесла:

– Элла Аркадьевна, давайте поговорим серьезно. Неужели действительно у этой квартиры такая цена, которая указана в объявлении? И это с ремонтом, с новенькими деревянными окнами, с мебелью и даже техникой? Да все это должно стоить дороже как минимум раза в два! Тут точно что-то не так! Наверное, что-то с собственностью, да?

Вика не с неба свалилась и прекрасно знала о подобных ситуациях. Сколько уже квартир было вот так продано по дешевке их якобы полноправными владельцами, а потом объявлялись настоящие хозяева или какие-нибудь их родственники, тоже имевшие права на квартиру, – и сделку признавали незаконной, а покупатель оставался ни с чем, потеряв и квартиру, и свои деньги. Очень не хотелось бы оказаться в подобной ситуации! Тем более что весь облик риелторши нисколько не внушал доверия. Хотя на слова Вики она, похоже, даже обиделась.

– Ну что вы! – возмущенно фыркнула Элла. – За кого вы меня принимаете! Все чисто, все совершенно законно, комар носу не подточит! Если не верите мне, попросите любого независимого эксперта проверить – и все скажут вам то же самое, что и я.

– Хорошо, я так и сделаю, – заверила Вика. – Но все-таки, если с юридической стороны все в порядке, почему квартира продается так дешево?

– Так хозяйка очень торопится, – риелтор снова улыбалась так сладко, что Вике хотелось запить ее улыбку водой. – Она, знаете ли, фотомодель, выходит замуж за американца, уезжает в Штаты. Уже уехала!

– И что, в Америке деньги не нужны? – со скептической усмешкой поинтересовалась Вика.

– Так жених у нее богатый! – сообщила Элла так радостно, будто сама выходила замуж за миллиардера. – И сама она тоже... Модель ведь! В Голливуде сниматься будет!

Вика с сомнением оглядела интерьер, явно стилизованный под ретро. Обои с викторианским узором, деревянные панели, бронзовые светильники, массивная мебель, книжные полки до потолка... Трудно было представить, что модель станет жить в такой квартире.

– Что-то не верится, – покачала головой Вика.

– Ну, может, она и приврала про Голливуд, – покладисто согласилась риелтор. – Нам-то до этого какое дело? Главное, что документы в полном порядке. И въезжать можно хоть завтра! Как видите, тут есть практически все! Даже новехонький 3D-телевизор и тот...

Вдруг огромный телевизор, до этого момента спокойно стоявший на специальной тумбе, тоже в стиле ретро, ни с того ни с сего закачался и грохнулся экраном вниз.

– ...был, – уточнила Алинка.

Элла Аркадьевна побледнела, схватилась за сердце и пробормотала что-то похожее на, как показалось Вике «А как же гарантия тридцать дней плюс выходные и праздники?»

Впрочем, она очень быстро взяла себя в руки и зашебетала, изображая смущение:

– Ой, это я виновата. Я такая неуклюжая! Как слон в посудной лавке... Но не переживайте, я вам другой подарю, на новоселье. А вообще телевизор смотреть вредно!

– Элла Аркадьевна, тут точно все нормально? – строго спросила Вика, которая прекрасно видела, что риелторша и близко не подходила к телевизору.

– Нормальней некуда! – заверила та. Поглядела на часы и вдруг заторопилась: – Ну, что скажете? Решайте, а то... Не поймите меня неправильно, но у меня уже скоро здесь следующая встреча, с другим покупателем.

– Да-да, конечно, я понимаю, – кивнула Вика. – Разумеется, на такую квартиру и за такую цену спрос должен быть огромным. Мы пойдем. Алинка, нам пора!

– Но я же вижу, как вам тут понравилось, – Элла Аркадьевна с улыбкой показала на Алинку, которая все никак не могла оторваться от перил балкона, любуясь с высоты залитым огнями городом. – Если хотите, я попридержу эту квартирку для вас. Но только на пару дней, не больше! Сами понимаете – желающих хоть отбавляй, – и она выразительно развела руками.

– Спасибо, буду вам очень признательна, – искренне заверила Вика. – Я обязательно позвоню. Завтра, в крайнем случае, послезавтра. Алинка, зайка, все! Мы уходим!

Едва дверь квартиры закрылась за ними, Алина тут же принялась болтать без умолку, так не терпелось ей поделиться своими восторженными впечатлениями. Но Вика едва слушала дочку и отвлеклась от своих мыслей только шагов через сто от подъезда, когда их остановил высокий мужчина атлетического сложения, по виду лет тридцати с небольшим.

– Извините, девушка, вы не подскажете, где тут второй подъезд? – поинтересовался он. – По моим расчетам, это должно быть в центральном корпусе.

– Понятия не имею, – буркнула Вика и уже хотела идти дальше.

– Жаль, – улыбнулся мужчина, – а я думал, что вы тут живете!

– А мы скоро будем тут жить, правда, мама? – Алинка конечно же как всегда была в своем репертуаре.

– Круто, да? – мужчина подмигнул Алинке. – Значит, станем соседями. Я тоже собираюсь здесь поселиться. Как раз иду посмотреть квартиру.

– Удачи, – не слишком-то доброжелательно проговорила Вика и потащила дочку в сторону метро.

– Мааам? А почему ты сказала дяде, что не знаешь, где второй подъезд? – тут же заинтересовалась Алинка. – Мы же только что вышли как раз из этого подъезда!

– Сама не знаю, – честно призналась Вика. – Наверное, разозлилась. Увидела в нем конкурента. Ведь он наверняка сейчас идет смотреть нашу квартиру. Вдруг Элла Аркадьевна продаст ее ему, а не нам?

– А давай ее попросим, чтоб нам! – от избытка чувств Алина даже запрыгала на ходу. – Вот было бы круто там жить! А? Мама?!

В ту ночь Вика долго не ложилась спать. Алинка уже давным-давно сопела в своей кровати и видела чудесные сны о новой квартире, а Вика все сидела на кухне, поджав ноги, пила кофе и советовалась с устроившимся напротив Кузей.

– Понимаешь, Кузя, – говорила она коту, – с одной стороны... С одной стороны, я могу потом горько пожалеть. Потрачу кучу денег, и вдруг выяснится, что квартира не просто так продавалась столь дешево... Но будет уже поздно. И мы с тобой и Алинкой окажемся на улице.

В этом месте Вика вздохнула, глотнула остывшего кофе и поморщилась.

– А с другой стороны, – тут же продолжала она, – вдруг нет никакого подвоха? Вдруг это тот самый шанс, который бывает раз в жизни? Тогда я до конца жизни не прощу себе, что его упустила!..

Поднявшись, она выплеснула в раковину остатки кофе, сполоснула чашку и потянулась за банкой, чтобы сварить новую порцию.

– Конечно, это все равно очень дорого... – продолжала вслух рассуждать Вика. – Как бы удачно мы ни продали нашу нынешнюю квартиру, нужной суммы не наскрести. Придется брать ипотеку... Или, может быть, попросить у кого-нибудь займы? Вот только у кого? Нет у моих друзей таких денег. А к Саше я точно обращаться не буду. Я очень зла на него. С тех пор как мы развелись, он даже ни разу не позвонил, не спросил, как Алинка!.. Как же так можно, он же ее отец!.. А что если... Что если взять что-то вроде ссуды на работе? Вдруг получится? Как думаешь, Кузя?

Кот смотрел на нее и слушал так внимательно, что Вика была почти уверена – он все понимает. И даже наверняка дал бы ей какой-нибудь мудрый совет – если б только умел говорить...

На следующее утро Вика сидела в кабинете своего шефа и с надеждой глядела на него, а Евгений Олегович взволнованно расхаживал от стола до окна и обратно.

– Нет, я, конечно, все понимаю... – бормотал он. – И цена, и расположение квартиры... Тут вы совершенно правы, подобные варианты на дороге не валяются... Кстати, вы уверены, что там все чисто с юридической точки зрения? А то что-то подозрительно дешево... Хотите, я сведу вас с юристом по недвижимости, который как следует все проверит?

– Спасибо, очень хочу, – благодарно закивала Вика. – Но юрист понадобится только при условии, если у меня будут деньги на покупку квартиры.

– Да, конечно, – шеф остановился и некоторое время помолчал, задумчиво глядя в окно. Вика покорно ждала продолжения его речи, как ждут оглашения судебного приговора.

– Но вы же понимаете, что сумма, которую вы просите вам одолжить, весьма велика, – произнес он, наконец.

Вика умоляюще сложила руки.

– Евгений Олегович!.. Такой шанс бывает раз в жизни. И я уже все рассчитала! Значительную часть долга смогу вернуть почти сразу, как только продам свою теперешнюю квартиру. Надеюсь, это займет не больше трех месяцев. А остальное буду отдавать понемногу в течение двух лет. С каждой зарплаты. И не только с зарплаты, я и подрабатывать стану. Буду работать день и ночь, проектировать, проектировать, проектировать...

– Ну вот что, Вика, – сурово проговорил шеф. – О каких-то подработках на стороне забудьте раз и навсегда. Еще не хватало, чтобы мои сотрудники, вместо того чтобы трудиться на пользу нашей компании... В общем, вы меня поняли. Работать будете здесь и только здесь.

– Как скажете, Евгений Олегович, – послушно согласилась Вика.

– И работать вам придется много... – шеф подошел к ней поближе и погладил по плечу. – Очень много работать, Вика. Отрабатывать, так сказать, оказанное вам доверие...

Мягко, но решительно откатившись от него в кресле на колесиках, Вика поднялась на ноги и повернулась к шефу.

– Евгений Олегович, *как архитектор*, – четко проговорила она, сильно выделив интонацией эти два слова, – я в вашем полном распоряжении. Двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, без праздников, выходных и отпусков.

– Вот так, значит? – шеф слегка поморщился. – Ну что ж, возможно, я пойду вам навстречу. Но вам придется очень постараться, Вика. Будете работать круглосуточно, как Золушка. И приносить нашей компании золотые орешки, как белочка. Я взял вас к себе в фирму потому, что мне понравился ваш проект, победивший во всероссийском конкурсе. И очень надеюсь, что вы и дальше меня не разочаруете.

– Евгений Олегович! – Вика просто задохнулась от счастья. – Спасибо вам огромное! Обещаю, я вас не подведу! Я буду как Золушка, я буду как белочка... Я буду, как... Да как кто угодно буду!

– Ну, хорошо, – снисходительно улыбнулся шеф. – Тогда, не откладывая дело в долгий ящик, сразу приступайте к работе над новым заданием. Вы, наверное, в курсе, что наша компания участвует в тендере на проект бизнес-центра?

– Да, знаю, конечно, – Вика энергично закивала головой.

– Так вот, я поручаю этот проект вам. Времени у вас, должен предупредить, немного. Первого числа ровно в десять ноль-ноль и ни минутой позже все должно быть у меня на столе. Из кабинета шефа сияющая Вика вылетела точно на крыльях.

«Как же рада будет Алинка!» – с удовольствием подумала она и, торопливо схватив телефон, набрала номер риелторши.

– Элла Аркадьевна, здравствуйте, это Вика, – зашебетала она. – Помните, вчера вечером мы с дочкой приезжали смотреть квартиру в высотке на Котельнической? Так вот, я подумала, и мы ее берем! Да, готова подъехать прямо сейчас, куда скажете.

Глава 4

Тайна Мамы Фимы

Дети автовладельцев получают свои первые представления о мире, глядя на него из окна машины. Детям врачей мир порой кажется огромной больницей. Дети из цирковых семей растут за кулисами и на арене, и выступление иллюзиониста, воздушного гимнаста или жонглера для них не чудо, а результат напряженной работы. В том пахнущем травами, печкой и деревом мире, где полвека назад жила маленькая Серафима, тоже царили чудеса и колдовство, – но только в самом прямом, а не в переносном смысле.

Отца своего Фима не знала. А маму видела раза два в год, а иногда даже реже – та жила *в городе*, наезжала редко и долго в родной деревне никогда не оставалась, норвила побыстрее уехать. Из рассказов бабки и, особенно, словоохотливых соседок Фима знала, что Танька, ее мать, укатила в город на другой же день после вручения аттестатов в школе – но не учиться, а чтобы *найти себе мужика и выйти замуж*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.